Недел. — 1991. — 7-13 окт. — №41. — С. 14.

Из жизни звезд

Людмила ГУРЧЕНКО: Я ВСЕГДА ВЗЛЕТАЮ В ОДИНОЧКУ

КАЖДЫЙ человек сам себе судья. Ведь Родина и государство — это разные вещи: государство есть система. Вы знаете, меня буквально потрясла фотография из «Огонька», где Ростропович держит в руках автомат, а на плече у него спит охранник. Я потом ночью не могла заснуть. Ведь в этом снимке—все. Для меня Ростропович явился последней надеждой, которая вроде уже и не должна была забрезжить. Вот он — надежда. Именно его возвращение.

Ведь что есть мерило жизни? Успех? Для кого-то — да. Для меня же это абсолютно исполненный гражданский долг. Говорят, что каждый человек сам по себе — это отдельный мир. Согласна. Но только в том случае, если он — личность, которая не предаст самого себя. Вот Ростропович не предал и приехал в самый опасный, кровавый момент сюда. Те три дня августа я бы назвала днями противостояния во главе с этим русским человеком Ростроповичем.

— Как обидно, что мне не довелось «живьем» послушать игру Ростроповича — наше поколение оказалось обделенным даже в этом.

— А я была на его концерте в Большом зале Московской консерватории. Кажется, это был семьдесят первый год. Они выступали втроем: Святослав Рихтер, Давид Ойстрах, Мстислав Ростропович. Слушайте, это было что-то невероятное! Это был такой пир, такой праздник, ну, я не знаю, как его назвать... русский или советский?! Но это был праздник красивых людей. Если в жизни есть пики радости от соприкосновения с чем-то неземным, то для меня таким остался тот далекий вечер.

— Людмила Марковна, вы говорили о предательстве. Вам знакомо состояние человека, которого предали?

— Не только знакомо, но даже, если хотите, это и есть то, благодаря чему я выжила. Моя профессия для меня — это моя религия. Это даже больше, чем религия. Предательство же — то, что меня по частям, по кускам четвертуют. И я остаюсь надолго-надолго «без руки», «без ноги», без какой-то еще части. И потом долго не могу прийти в себя. Но именно в эти моменты, когда я остаюсь на пепле, когда кажется, что уже никогда не поднимусь, не выживу, не смогу смотреть людям в глаза,— именно тогда, как потом уже понимаю, я, как никогда, сильна, потому что остаюсь одна. Я взрываюсь, взлетаю. Выдержат крылья — так выдержат. Или погибну, или... Но в одиночку. Я всегда взлетаю в одиночку.

— Орлы летают в одиночку...

— ...а воробьи стаями. Воробьи меня не любят. Поэтому ни в какой организации я не состою. Коллектив? Я не верю в коллектив, потому что это всегда компромисс. А компромисс... Неизвестно, где грань между компромиссом и предательством. И когда я чувствую, что должна предать вместе с коллективом, то — знаете, все в одиночку говорят «нет», все вместе говорят «да»,— я тихонько ухожу. Так всегда было с театром. Я всегда уходила из коллектива. Поэтому меня всегда устраивало кино. Там вместе —полгода. Оттуда если «вынесешь» человека, это большой подарок. Потому, как вам сказать... я совсем не коллективный человек. Хотя я безумно люблю веселье...

Может быть, все же выйдет моя новая книжка. Она объясняет очень многое, то, что в семьдесят девятом, когда появилась моя первая публикация в журнале, я могла сказать только намеками,— как я была уничтожена после «Карнавальной ночи».

— Выжить — нелегко?

— Что вы... Роли, ведь именно роли делают с актером что-то такое... Многие зрители хотят видеть меня только веселой, не давая права быть самой собой. Тирания маски — жизнерадостной, пустой девочки — до сих пор меня преследует. Я иногда попадаю в такое окружение, где приходится играть эту роль. Но это уже не я. Я знаю, что ломать эти ожидания бессмысленно, а нужно им подыгрывать...

— ...но это так больно...

— ...и быстренько исчезать. Да, это больно. Но зачем им портить настроение? «Ну-ка, прикинься, расскажи анекдотик». И я прикидываюсь. А что делать? Это профессия такая.

— Ну да, не бить же себя в грудь кулаком и кричать: «Я совсем другая!» Это глупо.

— Глупо. Сыграла я роль в фильме «Гулящая», и все решили, что я алкоголик... Цирк просто. Я вообще непьющий человек. Вообще. Если бы я пила, я бы никогда не выглядела так, как выгляжу. Я, понимаете, не имею права на то, на что имеют право нормальные люди. Я всегда жестоко смотрю на себя в зеркало. Ну вот и... выжила. Но повторить все по новой я бы больше никогда не хотела, Господи!

— Но ведь актеры — не только жертвы своего творчества. В сталинские времена даже такие великие, как Жаров, Абрикосов, Чирков, играли, причем очень талантливо, в лживых по своей сути фильмах. Понятно, что это не их вина. Но ведь люди-то, простые зрители, верили...

— Я не согласна. Актеры тоже верили в то, что делали.

— Вы думаете?

— Абсолютно уверена. Это неверие намного позже пришло. После оттепели. Поверьте, люди, которые не пострадали от тридцать седьмого года, не знали всего этого кошмара. Я узнала обо всем только в Институте кинематографии. Когда я сейчас читаю, что Бухарин, оказывается, был хороший человек, мне плохо делается. Я должна понять это своим нутром. Все ведь было за семью печатями. Вы знаете, я рада, что мой папа не дожил до сегодняшнего дня. Он бы не пережил открытия, что напрасно прожил жизнь. Понимаете, он бы никогда не смог понять, что все то, что он давал людям, стране, — все это никому не нужно... Ему революция открыла многое. Это уже потом он понял, что должен был быть не баянистом или шахтером, а крестьянином. Его «вытащили» в интеллигенцию. Насильственно.

— Скажите, а что для вас политика?

— Очень жестокая сфера, которую я познаю, пропуская через себя, через собственные ощущения. Вы знаете, что меня поразило в Америке? Не Белый дом, не изобилие. В Вашингтоне есть памятник, посвященный вьетнамским событиям: три фигуры—пехотинец, летчик, танкист — с абсолютно бесхарактерными лицами. А на огромной плите выбиты фамилии убитых. И вдруг однажды, проходя мимо, я остановилась от крика. Повернулась. Ручная кинокамера снимает, как какой-то мужчина средних лет бьется головой об эту плиту. Я думаю: может, это съемка, игра? «Надо же, как играет, я бы так не смогла». А потом выяснилось, что это не игра. Просто этот человек нашел своего друга, с которым вместе воевал. И камера оказалась случайной, одного заезжего туриста. Эта сцена меня просто потрясла. И там тоже ходят седые, в военной форме, «вьетнамцы», которые охраняют свой памятник, как наши ребята охраняли сейчас баррикады. Это все так знакомо. А наши «афганцы»! Я их видела в эти три дня. Они же были, как рыба в воде... Так преступно покалеченные судьбы...

Ну, и Ельцин... Я очень рада, что не ошиблась в нем. Даже когда он был забит, раздавлен,— я все равно в него верила. Нет в нем некой дипломатичной витиеватости. Да это, пожалуй, и лучше. Ельцин оказался для меня живым оппозиционером, которого можно пощупать. Знаете, он для меня пример того, что можно жить вопреки. Как у Маяковского: «Я себя под Лениным чищу». Это естественно для человека. Обязательно где-то за что-то зацепиться нужно, чтобы по этой гладкой, скользкой стенке не скатываться. Выступ-то должен быть какой-нибудь. Ну и Руцкой стал для меня открытием. Потому что военный человек в светской жизни — это всегда, простите, нонсенс. И Звезда Героя у него, как ни у кого, прекрасна. Видимо, для политика, как и для режиссера, главное — это собрать вокруг себя умные головы.

— Людмила Марковна, говорят, все мы заражены одной болезнью, итог которой — разлад с самим собой, с окружающим миром, массовый «исход» в другой мир — то есть эмиграция.

— Я считаю, что люди более сильные не подвержены этой болезни. Уезжают либо выброшенные государством, как это было с Ростроповичем, Некрасовым, Солженицыным, которые никогда, ни на секунду не отрывались от Родины, либо те, кто едет просто для того, чтобы лучше жить. И я это могу понять. Среди них, кстати, тоже много талантливых.

— Людмила Марковна, а слово «гений» что для вас означает?

— Гении — это самые простодушные люди, которые могут казаться дураками: Моцарт, Пушкин. Гений — это тот, у которого все внутри. А на поверхности... Почитайте воспоминания о Пушкине. Есть люди, которые приходят и играют гения. А потом они уходят, и от них ничего не остается. По-настоящему гениальный человек, как хороший артист, растворится в толпе.

— Вы можете сказать о своей предназначенности?

— Не знаю. Я знаю одно: годы работают на меня. Это поразительно. Обычно с возрастом становится все грустнее и грустнее оттого, что ты никому не нужен. Тут ничего не поделаешь. Когда я выхожу на сцену и вижу полный зал, очень много молодежи, которая всматривается в меня,— вот тогда я чувствую, что я должна держаться, что не имею права дать своему хребту согнуться. Когда же чувствую, что нет сил победить зал, я вообще отключаюсь — это высший пик расслабления — и отдаю себя на растерзание: нате, ведь вы этого хотели. И когда я иду таким путем, я их тихонько подчиняю себе.

— Вам часто приходится работать с молодыми актерами. Что-то вас объединяет?

— Нет. Не то чтобы была большая дистанция... У них просто другой язык. На съемочной площадке говорят: «Если кончилась тусовка, началась работа — значит, Гурченко пришла». Прихожу абсолютно готовая — это уже профессиональное. И не могу во время съемки читать детектив. Всегда откликаюсь на яркую идею, стараюсь моментально подчиниться, потому что свое-то у меня всегда будет. Но «взять», схватить то, чем дышит партнер,— это очень важно. Я сразу в ту форму встраиваюсь. Я ведь хитрая актриса. Я должна быть влюблена и в партнера, и в партнершу. Я ничего не должна слышать о них плохого: ни сплетен, ни пересудов. После картины — возможно.

— То есть некая чистота восприятия должна быть?

— Да-да-да. Он должен быть для меня загадкой. И я должна быть для него загадкой. Он должен быть мне желанен. Как и режиссер. Поэтому у меня никогда не было романов с режиссерами. Я всегда с режиссером на «вы», сколько бы ему лет ни было.

— И с Рязановым?

— Чаще всего.

— Людмила Марковна, многие считают, что театр как исцелитель сегодня мертв. А кино?

— Ну, мне трудно на такой вопрос ответить. Потому что кино сейчас попало в руки к людям случайным, тем, которые имеют деньги. Субсидируют картины люди, которые вообще ничего не понимают в кино. Они думают, что там зарабатывают. В кино бросилось очень много птиц не певчих, и потому сейчас очень трудно что-то прогнозировать. И с театром происходит то же самое. Ведь актеры в театре нищие. Помните, Эфрос жаловался на миграцию театра. Почему? Потому, что жизнь страшна.

Почему я не соглашаюсь играть в совместных фильмах? Потому, что не хочу чувствовать себя нищей. Мне будут платить четыреста рублей, а она, к примеру, будет получать миллион долларов. Ну, товарищи, ну это же неприлично! Я знаю, что я — нищая. Так лучше я и останусь в своей стране доживать. Стыдно.

Умер театр? Да, в данный период театр не может успокоить. Пусто, холодно. Будет что-то новое. Завтра не может быть без старого. Уничтожить вчерашний день нельзя. Не повторившись — не сыграешь новое, а повторяясь, не сыграешь тоже. Парадокс.

— На презентации фильма «Секс-казка» вы сказали, что никогда не думали, что доживете до эротического кино. Тем не менее факт свершился...

— Я восхищена этой молодой группой: первый раз снимающим оператором, режиссером, у которой это второй фильм. Я ни о чем не жалею. Хотя для меня это новая эстетика, и я очень старалась, чтобы все было эстетично. Больше переводила на жизненную узнаваемость. Я играла женщину-судьбу: вначале черт, а потом обманутая. То есть ларчик просто открывался: не хочу быть крестьянкой, а хочу быть столбовой дворянкой. Вот и сиди у разбитого корыта. Собственно, это философия каждой разочаровавшейся женщины.

— «Жизнь как игра, — говорит ваша героиня, — только войдешь во вкус, а уже все и кончилось».

— «Никогда не играй с чертями в азартные игры». Очень глубокая по мысли картина. Если бы ее разобрать не по сексуальности...

— Кстати, эти сцены вообще не запоминаются.

— Этим она и сильна.

— Людмила Марковна, вы от кого-нибудь или от чего-нибудь зависите?

— Я ни от кого не завишу. Я устроила и свою личную жизнь, и жизнь профессиональную. Я никогда не завишу от режиссера. Это единственное, за что я боролась всю жизнь.

— В таком случае, независимость и свобода — для вас синонимы?

— В принципе, да. Я не свободна, опять же, от людей, перед которыми я выхожу на сцену. А независима абсолютно. Системе я никогда не подчинялась.

— Вы сейчас песни пишете?

— Пока нет. Я их пишу тогда, когда не снимаюсь. Сейчас первый раз в жизни выходит мой авторский диск.

— Это ваша третья пластинка?

— Нет, первая. Все остальные были сделаны с фонограммы. К ним я не имею никакого отношения. То есть так же, как и вы, могу удивиться, купив их в магазине. Кругом сплошные парадоксы.

Беседу подготовила
Маргарита ЗИАНГИРОВА.

Фото
В. АХЛОМОВА.

«НЕДЕЛЯ» № 41 (1645). 1991 г.